Игры любви.

От Мариво к Марберу

Дарья КОРОБОВА

После каждой премьеры кого-либо из столичных мэтров режиссуры, в театральных кругах обычно начинается некое брожение, но, как это ни обидно, довольно вялое: «Замечательный спектакль! Только где-то это уже было...» От премьеры к премьере зрителя преследует опаснейшая болезнь психического свойства под названием дежа вю. Понятно, что удивить такого зрителя очень и очень трудно. Молодые же режиссеры переживают затянувшийся период тягостных раздумий над будущим театра – и результат пока тоже не внушает оптимизма простому, уставшему зрителю, совершенно справедливо требующему зрелищ.

Все чаще создается малоприятное впечатление, что московская театральная жизнь замкнулась сама на себе. Иногда, правда, и сквозь эти баррикады прорываются вести из прекрасного далека; но заезжие гастролеры наведываются на московские подмостки далеко не так часто, как хотелось бы. Кто-то скажет: «Зачем нам нужны эти иностранцы, у них совсем другая жизнь!» Но все-таки любопытно, очень любопытно, что же происходит там, где говорят на другом языке, да и мыслят по-иному. За последние несколько лет до нашей столицы добралось некоторое количество замечательных постановок, к примеру, спектакли Мнушкиной, Штайна, Донеллана, Някрошюса – московский зритель даже успел обзавестись своими любимцами.

Надо сказать, в начале этого сезона приезд гастролеров был отмечен необычайной всеобщей ажиотацией, грозившей вмешательством милиции, что вполне понятно – на любование каждой из иностранных постановок было отведено всего лишь по два дня. Но и этих дней хватило, чтобы обрадоваться, задуматься и расстроиться: три спектакля, привезенных из Франции, Англии и Японии оказались соответственно очень хорошим, неплохим и... практически возмутительным.

Итак, в сентябре афиши возвестили о беспрецедентном событии – к нам едет японский театр Кабуки. Воображение москвичей заработало с удесятеренной силой, рисуя ало-золотых журавлей на фоне цветов ириса и веток сакуры. Ждали театральной экзотики, чья красота с трудом поддается описанию, и, тем более, объяснению. Ждали и объяснения, а именно того, что было названо многообещающим словом «мастер-класс», демонстрации закулисной жизни одного из самых загадочных театров мира. За час до начала спектакля несколько квадратных метров перед зданием театра на Малой Бронной, на чьей сцене должно было состояться вожделенное шоу, стали напоминать горячую точку – сражение за билеты представляло реальную опасность для жизни.

Что ж, тем более явно читалось недоумение на лицах «счастливцев», расходившихся после спектакля по домам. Однако они стали свидетелями довольно веселого зрелища: небольшая группа японских артистов в лице одной очаровательной (внимание!) дамы, двух милейших молодых людей и еще пары рабочих сцены побыстрому раскрасили русскую девочку под японскую гейшу, что-то спели, что-то сыграли на двух струнных инструментах в сопровождении непереводимых шуток и прибауток.

Антракт. Самые нервные зрители вышли на улицу покурить, да так и не вернулись. Второе отделение прошло под ураганный хохот: делегация из нескольких зрителей с заразительным рвением помахала мечами и веерами, походила гуськом по сцене – на этом мастер-класс закончился. Финал же заставил содрогнуться даже самых стойких – «Катюша» на японском и пламенная речь о дружбе народов. Нам показали все, что угодно, кроме волшебного Кабуки.

Да, это была программа, целиком и полностью рассчитанная на потребление средним европейским зрителем, не отягощенная ни особым смыслом, ни каким-либо принятием во внимание интеллектуального уровня собравшихся в зале. В кулуарах среди зрителей немедленно родилось встречное предложение отослать в Японию детский хор народной песни и пляски с целью обучить местных жителей стучать деревянными ложками и надевать кокошник. Эффект был бы тот же.

* * *

Неожиданностью другого рода стал приезд на сцену МХАТа имени Чехова французского театра «Нантер-Амандье» с пьесой Мариво «Игра любви и случая». На этот раз ожидали изящную озорную комедию с переодеваниями и лихими перипетиями сюжета, не более того. Для справки: в Москве эта пьеса с успехом идет на сцене театра «Сфера» – прелестный спектакль, не обязывающий к размышлениям о смысле жизни.

Французская же постановка оказалась изумительным произведением театрального искусства – настоящей музыкальной шкатулкой с секретом. Для начала все в этом спектакле было будто бы специально приготовлено для игры – костюмы из разных эпох, наспех понаставленные разномастные стулья, в дополнение – роскошный фикус, так и забытый на сцене заигравшимися персонажами. В этот вечер в театре царило вдохновенное хулиганство совсем юных артистов, решивших, что если уж им позволено пьесой переодеваться, играть друг в друга и затевать умопомрачительные интриги, то самое время и место отдаться этому занятию с восторгом и упоением.

Сюжет самой пьесы прост и знаком: к богатой девушке едет неизвестный жених; девушка же, с благословения добропорядочного папаши, решает поменяться местами со служанкой, дабы получше изучить нрав суженого. Жених, в свою очередь, затевает тот же маскарад. Как понятно из названия, три слагаемых этого грандиозного розыгрыша – игра, любовь и случай в финале ставят все на свои места.

Играют все: если служанке Лизетте выпал шанс изобразить из себя госпожу, она подходит к этому со всей ответственностью – она теперь даже не госпожа, а королева! Нетрудно догадаться, что ее хозяйка Сильвия наряжается прислугой, тоже руководствуясь собственными представлениями о роли – должно же быть у служанки жестяное ведро и половая тряпка. Молодые люди, естественно, не отстают: Арлекин теперь обряжен в немыслимые букли, а жених Дорант – в вязаную шапочку эдакого деревенского простачка. В аферу втянут даже импозантный брат невесты, что уж говорить о старом отце безумного семейства, с умилением наблюдающем за резвящейся молодежью.

Можно придумать тысячу слов о тончайшем юморе пьесы, об изяществе и бесконечном обаянии молодых актеров, о поразительной выдумке и фантазии режиссера Жан-Пьера Венсана, собравшего в буквальном смысле из лоскутков, из кусочков это мудрое и красивое зрелище, все оказалось бы правдой, если бы ни одно парадоксальное «но». Спектакль был грустным.

На родине спектакля, во Франции, критики называли три великих имени, с которыми ассоциировалась постановка: поэт Верлен, художник Ватто и композитор Моцарт. Воздушная, печальная лирика Верлена, оплакивающая обреченность любви, – вот тайная звукопись «Игры любви и случая»: как ни прекрасна игра, но и она не может длиться вечно. Осенние сумерки картин Ватто, хрупкая грация персонажей, пойманных в тот редкий момент, когда их слабости, тщательно скрываемые в обычной жизни, обнаруживаются во всем своем трогательном комизме – вот «Галантное празднество», несколько дней, прожитых героями спектакля в счастливом забытьи. И, наконец, Моцарт – восхитительная игра длиною в жизнь и внезапный конец игры, а, значит, и жизни. Спектакль «Игра любви и случая» красив, изыскан, и в том великая заслуга художника Жан-Поля Шамбаса, залившего сцену золотым осенним светом и заставившего даже стены, стулья и двери играть наравне с актерами. Цвет стал одним из главных персонажей постановки, преображая лаконичные декорации, чутко изменяя общее настроение спектакля.

Итак, финал мистификации – все выяснено, актеры наконец-то используют стулья по назначению. Рассаживаются и долго молчат. Здесь нужно бы заметить, что маски, наконец, сорваны, но на ум приходит что-то совсем иное: маски с превеликим наслаждением были сорваны еще тогда, когда персонажи по собственной воле стали не господами и слугами, а просто мужчинами и женщинами и любили друг друга не «за что-то», а «просто так». Великолепный розыгрыш закончен, что дальше?

* * *

Спектакль «Прикосновение» Королевского Национального Театра Великобритании зрители ожидали как громоподобную сенсацию. В особенности это касалось тех, кто успел ознакомиться с пьесой Патрика Марбера, напечатанной в серии «Новая пьеса» среди других замечательных английских, русских, немецких и французских текстов (нелишним будет упомянуть этот проект, занимающийся прекрасным и нужным делом – публикацией новых, спорных, но безусловно талантливых разноязыких пьес. Его осуществляют дирекция фестиваля "Золотая маска", Британский совет, Французский культурный центр, Немецкий культурный центр имени Гете).

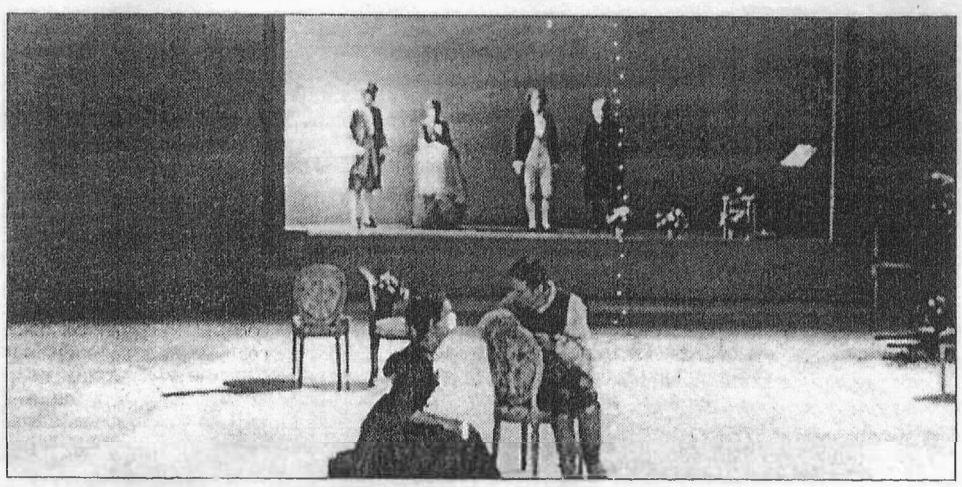
Нет, конечно же, и на московских сценах идут спектакли весьма недвусмысленного содержания – но не до такой же степени! На первый взгляд, пьеса сводилась к довольно продолжительному жизнеописанию двух англичан и двух англичанок, жаждущих плотских наслаждений, эдакому «порнографическому роману в беседах». Но это только на первый взгляд. И опять, на этот раз Театр имени Моссовета, на два вечера перешел на положение осажденной Брестской крепости, наглядно доказав, что любопытство является одним из основных двигателей театрального прогресса. Но все оказалось не так уж страшно и не так фривольно, как ожидалось. Зато честно и невесело.

Перед зрителями предстала деликатная, почти целомудренная постановка о самых обычных, но очень одиноких людях, произносящих вслух то, о чем большинство предпочитает умалчивать. О том, что мужчины и женщины иногда живут вместе, спят в одной постели, но при этом не перестают быть менее одинокими. О том, что они очень хотят любить друг друга, но толком не знают, как это делается. Пожалуй, режиссер Пэдди Каннин преподал ценный урок тем, кто пытается разрешить подобные вопросы на сцене путем бесконечных раздеваний и подробных демонстраций азов половой жизни homo sapiens – как оказалось, это совсем необязательно. Спектакль же рассказал о самых простых и широко известных проблемах, возникающих между разнополыми существами, и, в отличие от дамских журналов, не предложил универсального рецепта, панацеи от всех бед.

Жизнь – превосходная декорация для обыкновенной человеческой драмы. Художник «Прикосновения» Фрэнсис О'Коннор решил сценическое пространство спектакля лаконично, заставив предметы, окружающие персонажей, двигаться самим по себе, появляться и исчезать при первой надобности, не отвлекая героев от их людских тягот. Каждая сцена – спектакль внутри спектакля, предметы лишь создают элементарный антураж, необходимый для того, чтобы присесть или прилечь, не больше. Наверняка гордостью художника являлся гигантский экран во всю стену: на нем высвечивалась непринужденная ночная беседа двух мужчин, ищущих компанию в сетях интернета – странная получается беседа, когда двое не слышат и не видят друг друга. Впрочем, такое нередко случается и между людьми, делящими одну кровать. Экран бесстыдно демонстрировал всему залу приватный разговор, происходивший в одной из потаенных комнат борделя – не слишком ли далеко пустил нас в жизнь героев режиссер?

Вся кухня человеческих отношений оказывается как на ладони – смотри и делай выводы. Выводы неутешительны: герои мечутся в поисках сексуального партнера, мучаются желанием иметь и нежеланием делить, и только юная беспризорница Элис, возникшая из ниоткуда, вдруг заявляет, что любовь – это что-то совсем иное, это когда один человек выбирает другого, решившись отдать тому все свои чувства без остатка.

Название спектакля точно переводится с родного английского как «Ближе», и правда, куда уж ближе. В очередной раз нас со сцены щелкнули по носу, и правильно сделали. Снова слышатся разговоры о том, что сейчас особенно необходимы пьесы и постановки о простых отношениях между людьми – пусть нам покажут хоть что-то, похожее на выход из громады наших личных человеческих проблем. Мелодрамы опять вошли в моду. Жанр спектакля «Прикосновение» определить сложно – для мелодрамы здесь слишком задумчив финал, для драмы – слишком весел ненавязчивый английский юмор. Скорее это можно назвать опять же ненавязчивым английским вызовом, ибо каждый волен задуматься или пропустить все мимо глаз и ушей. Эта постановка – отнюдь не произведение театрального искусства, как упомянутый выше французский спектакль, но, однако, она так же поставила перед зрителем серьезную проблему – как нам жить друг с другом в этом мире и в этом времени? Здесь так и просится банальнейшая фраза типа «побольше бы нам таких постановок!» И действительно, побольше бы.



● *Сцена из спектакля «Прикосновение»*

● *Сцена из спектакля «Игра любви и случая»*

Экран и сцена –